

Сергей Бойко

ОПАСНАЯ ПРЕЛЕСТЬ БЫСТРЫХ СНОВ¹

Четыре невероятные истории

ГОРОД МЕРТВЕЦОВ

Рассказ

Лето было душным до умопомрачения. В такое лето могло произойти все, что угодно — даже то, что не могло произойти никогда...

Я не объяснил ей, почему мы заехали в этот городок на краю света — это было мое сугубо личное дело, сказал, как обычно, «надо!» — и она с привычной легкостью согласилась. Легкомыслие и доверчивость, определяющие ее характер, порой пугали меня до неуверенности в завтрашнем дне:

¹ *Быстрый сон — пятая и последняя стадия сна. Она характеризуется быстрыми низкоамплитудными ритмами электроэнцефалограммы. Это делает ее похожей на электроэнцефалограмму бодрствования. На этой стадии сна возникает большинство запоминающихся сновидений, а спонтанная активность нейронов бывает даже выше, чем при самом напряженном активном бодрствовании. За минуты такого сна человек может пережить события от нескольких часов до нескольких дней, месяцев или даже лет.*

точно так же она могла бы послушаться кого угодно, кто кстати оказался бы рядом. Ведь ни о какой взаимности не было и речи. В глупые моменты я спрашивал ее: «Ты любишь меня?» — и она с рассеянной готовностью отвечала: «Конечно!» И в этом «конечно!» яснее ясного проявлялось полное отсутствие какого-либо чувства. Тем более — любви. Ее не было и в помине. Но я не сильно расстраивался по этому поводу: она влекла меня своей молодостью, изящной красотой и безотказностью. По-видимому, я был влюблен — и до такой степени, что совсем наплевал на ее отношение ко мне. То, что она не понимала любви и не жила ею, я объяснял себе ее возрастом и не задавался вопросом, чем же она живет на самом деле. Живет — и живет. Меня это вполне устраивало.

Я увидел нужный мне дом в горчичном тлене перекрестка, распятого на солнцепеке, — беловатую оштукатуренную тысячу лет назад трехэтажку напротив дома уже закрытого на капремонт. Подругу я оставил в прозрачной тени молодой чахлой акации, а сам направился через пустынную в этот жаркий час улицу к подъезду. Пыль выпрыскивала из-под моих башмаков и не торопилась на землю.

Окна лестничных маршей были заколочены фанерой, — я вошел в прохладу и полумрак и чуть

не уронил крышку гроба, притаившуюся за дверью. Только верхнее разбитое окно впускало зной и свет на последний лестничный марш, площадку третьего этажа и сверкающий пятнами потолок. Под этим окном сидели на корточках четверо мужчин от семнадцати до семидесяти лет — все в черных горячих костюмах. Лица их были по мрачному темны, как и взгляды, которыми они приветствовали и одновременно ощупывали меня, чужого всем своим видом этой жаре, этой пыли и, как они, по-видимому, решили для себя, этому дому и этажу.

Они, однако, ошибались.

Я кивнул им. Самый молодой попытался преградить мне путь, но старик властным жестом остановил порыв юноши, и тот уселся в прежней позе подпирать обшарпанную веками стену.

Дверь открыла пожилая женщина в заплаканном трауре. Она внимательно оглядела меня, вздохнула облегченно, как бы узнавая, хотя я здесь был впервые, и посторонилась, впуская меня в прихожую.

Однокомнатная квартира. Совмещенный санузел. Здесь с недавнего времени проживал мой друг, молодой здоровенный парень, с которым мы последнее время были связаны не столько приятельскими отношениями, сколько деловым партнерством. Проживал, проживал — да вот вдруг

помер. Известие это настигло меня на пути к морю, пляжу и рассеянному образу жизни — стоило подумать прежде, чем пускаться в такой дальний конец — но я заставил себя сделать это.

Ввиду прохлады гроб с телом стоял в ванной комнате. Женщина любезно включила верхний свет, хотя и без того было видно, что покойник мертв. Он занимал половину всего пространства, отпущенного архитекторами для живых утренних процедур, и казалось, был доволен тем, что мешает всякому, кто захочет хотя бы умыться с дороги руки.

Я стоял и смотрел на бывшее живое лицо своего приятеля — настолько БЫВШЕЕ, что уж по этому поводу не могло быть двух мнений — как вдруг что-то неуловимо дрогнуло, и реальность поплыла у меня из-под ног. Я беспомощно оглянулся на стоявшую позади меня в позе скорби женщину, но она отвернулась в этот момент, а через секунду и вовсе вышла, деликатно оставив меня наедине с покойником.

Тогда он СНОВА открыл глаза.

На этот раз я уже был подготовлен и вполне достойно перенес это легкое оживление в лице мертвеца.

Единственно, чем я был по-настоящему обеспокоен, так это чтобы траурная женщина не вернулась вдруг и не застала всего этого безобразия. И тут он подмигнул мне и сел в гробу,

сложив по-турецки свои громоздкие в черных брюках ноги, оправил пиджак и галстук и улыбнулся. Он и при жизни отличался озорством, этот приятель. Но на такое...

«Только бы не вошла! Только бы не вошла!» — молил я неизвестно кого и с тревогой прислушивался к шаркающим шагам старой женщины. Больше в квартире, по всей вероятности, никого не было.

Она не вошла. Наоборот, она вышла — хлопнула входная дверь, и тишина выползла из всех углов.

Покойник сидел в гробу и широко улыбался, радуясь встрече со мной.

— Ты с ума сошел! — прошептал я.

Что я еще мог сказать или сделать в такой ситуации? Полицию вызвать? Надо было знать моего приятеля при жизни, чтобы понять, что я не мог перечить его причудам. Он был бешеного склада характера и не допускал ни малейшего непонимания и, тем более, непокорности в отношении своих замыслов. Только мой застарелый страх перед ним не дал мне в этой ситуации сойти с ума или начать действовать как-то НЕ ТАК. Поэтому я не сильно расстроился, когда мертвец дружески хлопнул меня по плечу и неловко соскочил на пол. Он открыл дверь и выглянул в прихожую. Вышел, придерживаясь за стенку.

Прошел таким макаром в комнату. Он как бы заново учился ходить. Но это продолжалось недолго. Скоро он уже носился вокруг стола, по дивану, оглушительно хлопал ладонями по обоям, пытался выскочить на балкон, но тут уж я вмешался и не выпустил его, хотя это стоило мне невероятных усилий — приятель оказался такой же здоровенный, каким был при жизни. Тогда он уселся на диван, взял со стола бутылку и принялся ее распечатывать. Это была какая-то гадость местного производства. И тут в дверь забарабанили! Это было уже серьезно, потому что мертвец ни за что не хотел расставаться с бутылкой — совсем как при жизни — и тем более, возвращаться в свой гроб.

Стучали громко, настойчиво, будто хотели разбудить самого мертвеца, не подозревая, что он уже поднялся, хочет выпить и может сам открыть дверь.

С великим трудом мне удалось загнать его в ванную комнату и запереть. Только после этого впустил я нетерпеливых. Это оказались черные мужики из-под окошка. Теперь они по-другому смотрели на меня. Старик сочувственно пожал руку. Молодой глянул извиняющимися глазами. Остальные двое, как и полагается перед незримым ликом вечности, кивнули сдержанно и сурово. Вместе мы прошли к столу. Старик достал из

кармана бутылку водки, распечатал, разлил по стаканам, пробормотал что-то и залпом выпил. Остальные последовали за ним. Без единого звука. Так же молча они прошли в прихожую — старик снова проявил соболезнование пожатием — о покойнике не поинтересовались и вышли.

Стоя перед зеркалом ванной комнаты, он неумело накладывал грим на свое мертвое лицо.

— Я больше не могу на этой жаре, Сережа! — с ужасом услышал я у себя за спиной. — Прости, милый!

Я захлопнул дверь ванной, обернулся, схватил свою подружку за руку и торопливо провел в комнату. Она увидела стол с закусками, опорожненную бутылку водки и с легкой укоризной посмотрела в мою сторону. Скинула раскаленные туфли и с ногами забралась на диван.

— Пьянствуете? В такую жару? А шампанского нету?

— И быть не может! — отрезал я.

— А почему ты меня не представишь?

— Кому?!

Он стоял рядом со мной! В руках продолжал держать баночки с гримами.

— Вольдемар! — склонил он вдруг свою крупную голову, обнаружив прямой, как лезвие опасной бритвы, пробор. — Ваш покойный слуга!

— Мария!

Моя подружка соскочила с дивана и сделала книксен.

— Какой вы смешной! Давайте я вам помогу.

Мария усадила покойника на диван, забрала у него баночки и принялась ловко манипулировать, будто занималась этим всю жизнь, приводя его лицо в божеский вид. Я не мог даже пошевелиться, — такой вдруг на меня напал столбняк.

В дверь постучали.

— Открой же, милый! Не видишь, мы заняты?

Так как я все еще не мог пошевелиться, Мария сама пошла открывать.

— Ты что делаешь, подлец? — двинулся я на мертвеца.

— Заткнись! — угрожающе приподнялся мой бывший друг, ухватился за столешницу, и я увидел, как древесина трещит под его пальцами и рассыпается трухой!

— Там какие-то спрашивают, когда выносить! — весело сообщила моя подружка. — Вы переезжаете, Вольдемар?

— Да, в некотором роде. Пусть подождут внизу! — приказал покойник, и моя Мария кинулась выполнять.

Потом она снова попыталась приступить к его лицу, но он недовольно отстранил ее со словами «хватит уже!» и поднялся.

— Поройся там, в холодильнике, приготовь чего-нибудь перекусить, — снова приказал он, и снова Мария с готовностью удалилась.

Мы тем временем стащили вниз пустой гроб, Вольдемар накинул на него крышку и выпихнул ногой за дверь, — а там как ждали: дружно застучали молотками, подхватили, засунули в пустой автобус и пыльно укатили в переулок.

— Венок забыли, — сказал покойник и потрогал черную ленточку с белыми буквами. — «Вольдемару от друзей», — прочитал он. — От тебя, между прочим.

— Ничего я не покупал, — убито проговорил я.

— Понимаю. Некогда. Самому пришлось позаботиться. Так! Зови свою кралю. Пойдем прошвырнемся. Скажи ей, у меня день рождения. И без глупостей... дорогой друг!

Прошвырнулись мы в грязную привокзальную кафешку, где даже чистые салфетки в пластмассовых жирных стаканах казались залапанными и мятыми. Но ничто не могло смутить мою подружку. Она во все глаза пялилась на Вольдемара, а тот был в ударе и щебетал соловьем.

Мы пили шампанское, сладкое и теплое, закусывая батончиками из сомнительного шоколада, — когда за наш столик подсел болезненного вида молодой человек и устался на

Вольдемара. Покойнику это не понравилось: видно было, как он начинает наливаться злобой, сжимая свои кулачищи, — но тут Мария коснулась его руки, — и грозный мертвяк расслабился и даже улыбнулся. Молодой человек вздохнул неопределенно:

— А говорили, ты помер, Волик.

— Ну и что?

— Так. Ничего. Болею я. Тоже скоро помру.

— Все там будем! — философски заметил покойник с большой долей лицемерия...

Из-за климатических условий попойка шла для меня изнурительно. Бутылки появлялись и исчезали с методичностью тренировки, сердце атлетически перегоняло взбухшую кровь. Это был даже не марафон, а бег по кругу. Вольдемар сидел румяный и свежий, как из холодильника. Когда он ушел танцевать с моей подружкой под магнитофонную лень, заведенную для него буфетчиком, больной юноша придвинулся ко мне и тихо проговорил:

— Население растет за счет покойников. Если бы не они, разве произошел бы такой демографический взрыв?

В свете выпитого и событий сегодняшнего дня мысль показалась мне любопытной, и мы вместе принялись развивать эту тему. По всем статьям выходило, что быть мертвецом в наше